

УДК 008

UDC 008

**МУЛЬТИ-, ИНТЕР-,
ПОСТКУЛЬТУРАЛИЗМ:
О СПОСОБАХ РЕГУЛИРОВАНИЯ
КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
В УСЛОВИЯХ НОВОЙ
МОДЕРНОСТИ****MULTI-, INTER-,
POST-CULTURALISM:
ON THE WAYS OF REGULATING
CULTURAL INTERACTION IN THE
CONDITIONS OF THE NEW
MODERNITY****Г. П. Куделич,***старший преподаватель кафедры
романо-германских языков международной
профессиональной деятельности БГУ***G. Kudelich,***senior lecturer of the Department of
Romano-Germanic languages for
International Professional Activities, BSU*

Поступила в редакцию 14.04.2024.

Received on 14.04.2024.

Статья посвящена рассмотрению магистральной линии в приложении теории мульти-, интер-, посткультурализма к плюралистичной социокультурной реальности. Автор отмечает смещение фокуса от правового регулирования к диалоговому взаимодействию в процессе генезиса мультикультурализма к интеркультурализму. Однако, как показано в работе, варианты управления культурным разнообразием преимущественно остаются в рамках нормативно-правовой регламентации, в то время как необходимым условием для обеспечения социального единства является сопричастность общему культурному контексту, ценность которого разделяется вовлеченными в него. Отстраненность от имманентного культурного содержания как основная примета кризисных процессов в культуре является главной угрозой успешности коммуникации.

Ключевые слова: культурная политика, межкультурная коммуникация, мультикультурализм, интеркультурализм, Франция.

The article is devoted to the consideration of the main line in the application of the theory of multiculturalism to pluralistic sociocultural reality. The author notes the shift of focus from legal regulation to dialogical interaction in the process of the genesis of multiculturalism to interculturalism. However, as shown in the paper, the options for managing cultural diversity predominantly remain within the framework of legal regulation, while the necessary condition for social cohesion is ownership of a common cultural context, the value of which is shared by those involved in it. Detachment from the immanent cultural content as the main symptom of crisis processes in culture is the main threat to the success of communication.

Keywords: cultural policy, intercultural communication, multiculturalism, interculturalism, France.

Введение. В XX в. новые способы осмысления себя и мира, призванные выйти за границы старых методологий, чтобы осмыслить явления и феномены, ускользающие от нуждающейся в обновлении понятийной матрицы гуманитарного дискурса, стали именоваться эпистолярным поворотом. После этого стратегии в науке стали обозначаться терминами с приставкой пост-: постколониализм, постмодернизм, постструктурализм, постмультикультурализм и т. д. Наш интерес обращен к проблемному полю культурологии и заключается в определении той роли, которая отведена непосредственно культуре в концепциях – мультикультурализма, посткультурализма и интеркультурализма, – стремящихся регулировать процессы межкультурного взаимодействия в условиях новой модерна, плюралистичной и осознающей свои ограничения.

Это исследование, в частности, представляет собой анализ результативности попыток вы-

строить межкультурное взаимодействие по опыту Франции, поскольку мы считаем его эвристически плодотворным для поиска модели неконфронтационного взаимодействия культур в условиях постсекуляризации. В некотором роде Франция является экспериментальной территорией по новому определению религиозности как регулятора социальной динамики. Индивидуализированное общество утратило прежние основания для стабильности, под которыми мы понимаем систему религиозно-нравственных ориентиров, а в последующем национально-гражданских идеалов, некогда обеспечивающих устойчивость социальных объединений. Под утратой понимается не исчезновение указанных смыслообразующих систем, а отсутствие четкой соотнесенности с ними в силу перенасыщения ими символического универсума.

Основная часть. Одно из важнейших свойств культуры, в определении которой мы примыкаем к А. Я. Флиеру, заключено в том,

что «именно она является наиболее универсальным основанием для самоидентификации общества и его членов, осознания коллективом и его членами своей индивидуальности, маркирования себя, различения «своих» и «чужих» и т. п.» [1, с.13]. О ситуации проблематизации идентичности, в которой находится французское общество в связи с значимостью ислама для многих ее граждан, мы уже писали ранее [2]. В контексте этой работы важным представляется вопрос об определении наличествующих в культуре механизмов и средств, которые призваны обеспечить единство общества в ситуации конфронтующего плюралистического соседства.

Во Франции политика урегулирования ситуации с нарастающими в численности инокультурными диаспорами постепенно уходила от грубого ассимиляционизма и к 1980-м гг. стала реализовываться по принципам мультикультурализма. Причем такое определение она получила после того, как от нее официально отрекся Н. Саркози в 2011 г. вслед за уже прозвучавшими заявлениями о несостоятельности этой стратегии со стороны А. Меркель и Д. Камерона [3]. Претензии к мультикультурализму в европейском контексте подробно отразил в своем отчете У. Кимлика, один из его теоретиков. Не только в общественном восприятии, но и в резолюции Европейского совета мультикультурализму вменялись в вину пособничество в геттоизации населения, стереотипизации представлений об этносах, политический радикализм исламской молодежи и др. [4, с. 13].

К критическому пересмотру мультикультурализма обращались все исследователи, изучающие генезис и эволюцию идей, заложенных в концепцию. В русскоязычном научном сообществе этой теме посвящены работы ученых, таких как Р. Э. Бараш, М. В. Борисова, А. В. Веретевская, А. И. Куропятник и М. А. Куропятник, И. П. Цапенко. Как показывают исследователи, лейтмотивом в трудах авторов, считающихся основоположниками концепции (к ним относят Ч. Тейлора, У. Кимлика, Т. Модуда, Б. Парекха и др.), выступают равенство, сплоченность и взаимное принятие [5; 6]. Так, исследователь А. В. Веретевская по итогам своей работы по изучению идейного содержания различных вариаций теории заключает: «Если говорить о главной цели политики мультикультурализма, то для теоретиков-мультикультуралистов всех лагерей она может звучать как обеспечение бесконфликтного существования поликультурного общества в экономически процветающем и политически стабильном либеральном государстве на основе добровольной и полноценной политической интеграции всех культурных групп общества» [7, с. 83].

Почему же такая благородная по своим целям программа за несколько десятилетий утратила приверженцев в Европе? Дело в том, считает А. В. Веретевская, автор монографии «Мультикультурализм, которого не было» [7], что при перенесении на европейский контекст концепция утратила суть подхода и обернулась, главным образом, номинальным обеспечением прав и свобод национальным меньшинствам внутри границ того либо иного государства (рассмотрены Великобритания, Германия, Франция). «Мультикультурные институты использовались для того, чтобы, с одной стороны, создать видимость поликультурного диалога для снижения общей напряженности и одновременно не допустить ряд недоминирующих культурных групп к реальному участию в общегражданском процессе формирования идеи общего блага» [7, с. 160]. Охранительное отношение к различиям обернулось акцентуацией их инаковости, непримиримостью позиций по ряду вопросов, что только усилило социальное напряжение.

Франция, верная принципам республиканизма, вынуждена изыскивать способы влияния на социокультурную ситуацию в стране, пытаясь оперировать в институциональном и правовом поле человеческого взаимодействия. На наш взгляд, именно юридическая регламентация взаимодействия разнообразных культурных слоев населения стала тем руслом, из которого так и не может выйти французское государство. Вдобавок, события последних лет, среди которых принятие нового, более сурового закона об иммиграции (2023 г.), предусматривающего ответственность вплоть до депортации за нарушение принципов Республики, позволяют исследователям говорить о сохранившейся, пусть и не столь явной, приверженности ассимиляционной политике со стороны государства [7; 8]. И это несмотря на декларированный интерес к интеркультурализму и отмеченные попытки перейти к модели построения отношений «с уровня социальной группы до уровня конкретного человека» [8, с. 171]. На наш взгляд, обвинение в ассимиляционизме не совсем справедливо.

Франция, страна с огромным уважением к интеллектуальному поиску, не может игнорировать наработки мыслителей, чьими стараниями происходит развитие гуманитарной науки. Вестниками нового взгляда на реальность во франкоязычном мире стали М. Фуко, Ж. Делез, Ж. Лакан. Их работы, считает М. В. Тлостанова, знаменовали становление новой эпистемы – транскультурации. В последующем благодаря ей осуществился переход к постмультикультурализму. Согласно автору, «главным элементом, который подвергается

переосмыслению в транскультурной эпистеме, остается трактовка многообразия и различия, отношение к иному/другому и способы взаимодействия разных инаковостей» [9, с.13]. Ключевым является избавление от колониального гнета модернистской матрицы мировосприятия и построение полилога «на основе подлинно эгалитарной плюриверсальности» [9, с. 13]. Таким образом, попытки ученых превзойти ограничения мультикультурализма обусловили смещение фокуса от нормативного регулирования к коммуникативному взаимодействию.

Необходимость принятия инаковости представителя другой культуры как раз выступило условием для оформления нового подхода – интеркультурализма. Другое дело – реализация принципов концепции в реальности, которая продолжает оформляться. Так, по заключению А. И. Куропятник и М. С. Куропятник, общим знаменателем интеркультурализма является «совокупность дискурсивных стратегий, подразумевающих «открытый диалог» и обсуждение как тенденций трансформации общества в целом, так и форм социальности и культуры, соотносимых с различными акторами – этническими, культурными, религиозными» [10, с. 252]. Фактически ученые вторят французскому исследователю Б. Буле, который за 10 лет до этого определил интеркультурализм в конкретном его выражении не как доктрину, метод либо дисциплину, предлагающие свою методологию, а как «парадигму интеллектуального поиска» [11, с. 66]. Отличительная черта этого подхода в том, что он должен включать «рефлексию о способе сочетать уважение к разнообразию и необходимое признание универсального» [11, с. 67].

В таком выражении апробация интеркультурализма уже ведется на французской территории. В частности, инициативой, призванной в различиях найти универсальное, является программа «Межкультурные города», реализуемая под эгидой Европейской комиссии и Совета Европы. Основные задачи проекта оформлены в документе «Белая книга» [12, с. 136–137]. Как считает И. П. Цапенко, пристально следящая за результатами этого проекта: «По сути, современный интеркультурализм представляет собой модель управления разнообразием в городских условиях, призванную развивать снизу (а не навязывать сверху) межкультурные коммуникации» [13, с. 112]. И замечает один существенный недостаток в претворении программ – «в этой стратегии не делается особого акцента на межрелигиозный диалог. Между тем мусульманский вопрос – один из наиболее болезненных в европейских обществах. Именно он в первую очередь тре-

бует решения, которого не достичь без специальных пакетных мер» [13, с. 114].

Как мы уже отмечали в своих работах, французские ученые выявили, что ключевым фактором радикализации инокультурного населения стала абсолютизация религиозной принадлежности как основания идентичности [14]. Тем не менее Франция, свято чтящая принцип светскости (*laïcité*), пытается не прибегать к взаимодействию в сфере религиозного и искиывает способы влияния на социокультурную ситуацию в стране, продолжая обходиться нормативно-правовым инструментарием.

Что касается результатов программы «Межкультурные города», в которую вошел сначала Лион, затем Париж, о них стало возможным судить благодаря отчету, предоставленному мэрией в 2017 г. [15]. В нем представлено множество достойных инициатив и лист рекомендаций по реализации целей проекта. Но рейтинг Парижа среди интеркультурных городов по ряду показателей оказался очень низким – 58 место из 87. Как отмечает автор аналитического разбора этого документа, 5 глобальных направлений в работе программы, одобренных Советом Парижа, остались «исключительно на бумаге» [16]. Особенно заслуживают внимания самые несостоятельные показатели – медиасфера (25 пунктов из 100) и интеркультурная компетенция жителей (22 пункта). Причину тому автор видит в отсутствии изучения общественного мнения об иммигрантах и этнических группах, как и мероприятий по созданию положительного имиджа инокультурным горожанам.

Действительно, городская политика Франции, на которую была возложена определенная ответственность за интеграцию иммигрантов, неоднократно подвергалась критике и обвинениям в несостоятельности [17, с. 33–36]. Как яркое подтверждение тому, в СМИ предьявляются постоянно возвращающиеся на повестку дня неблагоприятные бедных кварталов и городские бунты. Об инструментализации тревоги по поводу угрозы культурной уникальности из-за инакового *modus vivendi* мы подробно писали в своей статье [2]. Но все вышечисленное – лишь симптом несостоятельности только лишь вертикального воздействия на социум. Провал социальной политики во Франции на рубеже XX–XXI вв. – а именно она вслед за правовым регулированием должна была способствовать созданию единого многокультурного общества – опровергает ее претензию на исключительность в решении комплекса проблем, вызванных проблематичностью в восприятии другого. Результаты политики управления культурным многообразием обнаруживают то обстоятельство, что за

границами внимания социологов и политологов, претворяющих в жизнь положения теорий культурализмов, остается сфера производства культурных смыслов, смыслов, которые рождаются в непосредственном взаимодействии.

В то время как, утверждает О. Руа, все причины социального напряжения могут быть сведены к «вопросам ценностей и идентичности» [18, с.15]. Сверх того, считает ученый, это лишь симптом более глобальной культурной трансформации, которую претерпевают не только западноевропейские общества, но и весь глобализированный мир. Речь идет о системном кризисе культуры как всеохватывающей системы накопления социального опыта. Кризис обусловлен потерей человеком связи с имманентным культурным базисом (*imaginaire*), сопричастность которому обеспечивает эффективность коммуникации в обществе. А отстраненность от этого базиса, наоборот, лишает человеческое взаимодействие эффективности, для восстановления которой нужно прибегать к дополнительной экспликации и кодирования своей интеракции.

Именно из-за этого происходит, по терминологии О. Руа, «уплощение мира» (так названа его монография 2022 г.), поскольку для облегчения и скорости коммуникации происходит выхолащивание глубинного содержания культурных феноменов. Это, в свою очередь, черевато как музеификацией (удел экспертов), так и фольклоризацией культуры (набор символов без означаемого). Ситуацию вдобавок усложняет и метиссация ценностных образцов, обычаев и смыслов, вызванная глобальными процессами. А это порождает стремление по их защите и сохранению.

По итогу, в современном мире «все себя считают принадлежащими к подвергающемуся угрозе меньшинству, права и границы которого нужно отстаивать» [18, с. 19]. Здесь-то и выступает на авансцену правовое регулирование отношений, происходит уплотнение юридических нормативных баз, с одной стороны, с другой стороны, всякая коммуникация обрастает дополнительными знаками-кодами, чтобы гарантировать ей присваиваемое значение. В качестве примера такого кода из повседневной реальности О. Руа приводит эмодзи, сопровождающие сообщения в сети, структурирующие восприятие собеседника. А все потому, что неясными представляются те основы, которые снабжают человека системой ценностных координат. Так, «расширение сферы свободы влечет за собой расширение нормативно-предписывающей сферы» [18, с. 172].

В такой перспективе интеркультурная стратегия, прежде всего, должна обеспечивать об-

щество достаточным количеством способов и пространств для взаимодействия, приобщающих к культурному имманентному содержанию, тому, что рождается в опыте. После десятилетий разработки нормативной базы и после некупившихся многомиллиардных инвестиций в социальную политику Франция, наконец, пришла к необходимости работы на уровне культурного содержания, его ценностного ядра. Ни законы, ни нормативы, ни структурирование социального взаимодействия не позволили решить основную проблему социума – его единство. Так, применительно к исламу правительство ищет способы создать новый культурный нарратив, который обозначается как французский ислам. Его созданию призвана служить, на наш взгляд, недавняя инициатива в академической среде по созданию «Французского института исламологии», иницирующего академическое изучение культуры, догматики, локальных практик и пр. ислама [19]. Успешность этого проекта во многом зависит от трансляции результатов широкой общественности. Для реализации этой задумки у Франции есть механизмы, начиная от специализированных медиаресурсов (гл. образом France Culture, France Inter и пр.), заканчивая созданием медийного авторитета ученых и вовлечением профессиональных исследователей для освещения новостной повестки. Но без выхода на практический опыт реального взаимодействия эта инициатива останется замкнутой в кругах интеллектуальных элит.

Учитывая все вышеизложенное, нам представляется очевидным, что объем накопленных знаний и опыта по регулированию поликультурного социума указывают на необходимость выстраивания пространства для сотворчества общих смыслов, не директированных сверху, а усвоенных через личный опыт. Включение, вовлечение являются необходимой предпосылкой как для интериоризации декларируемых смыслов, так и восприятия невербализированного культурного наследия. Никто не оспаривает тот факт, что юридическое закрепление прав и свобод граждан является важным условием для гармонизации отношений в социуме. Но мы далеки от абсолютизации этого подхода, опыт Франции отчетливо это демонстрирует. Для подлинного принятия культурной инаковости, что важно, двусторонней, необходимо наличие общего культурного контекста, чья ценность разделяется всеми вовлеченными в него. Важно предостеречь от формализма в организации подобного культурного взаимодействия, который, как отмечено выше, череват потерей содержания и, тем самым, только усугубляющий кризисные процессы в культуре.

ЛИТЕРАТУРА

1. Флиер, А. Я. Тезаурус основных понятий культурологии / А. Я. Флиер, М. А. Поletaeva. – М., 2008. – 344 с.
2. Куделич, Г. П. Ислам и проблематика культурной идентичности в современном обществе (на примере Франции) / Г. П. Куделич // Человек в социокультурном измерении. – Минск : БГУ, 2023. – № 1. – С. 50–59.
3. Pelletier, B. La crise du multiculturalisme en Europe – éléments de cadrage / B. Pelletier [ressource numérique] – Mode d'accès: <https://gestion-des-risques-interculturels.com/risques/la-crise-du-multiculturalisme-en-europe-elements-de-cadrage/>. – Date d'accès: 17.03.2024.
4. Kymlicka, W. État actuel du multiculturalisme au Canada. Et thèmes de recherche sur le multiculturalisme canadien 2008-2010 / W. Kymlicka [ressource numérique] – Mode d'accès: https://publications.gc.ca/collections/collection_2011/cic/Ci96-112-2010-fra.pdf. – Date d'accès: 17.03.2024.
5. Бараш, Р. Э. Дискуссии о мультикультурализме. Академический контекст. Часть 1 / Э. Р. Бараш // Власть. – 2022. – Т. 30. – № 6. – С. 88–97. DOI 10.31171/vlast.v30i6.9358.
6. Бараш, Р. Э. Дебаты о мультикультурализме в глобальную эпоху. Академический контекст. Часть 2 / Э. Р. Бараш // Власть. – 2023. – Т. 31. – № 5. С. 37–145.
7. Веретевская, А. В. Мультикультурализм, которого не было: анализ европейских практик политической интеграции этнокультурных меньшинств / А. В. Веретевская. – М. : МГИМО-Университет, 2018. – 182, [1] с. ISBN 978-5-9228-1874-2 Тлостанова
8. Ходинова, О. С. Интеркультурализм как новая стратегия включения мигрантов в европейскую нацию (на примере Франции) / О. С. Ходинова // Власть. – 2019. – Т. 27. – № 1. – С. 170–176. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6247>
9. Тлостанова, М. Транскulturация как новая эпистема эпохи глобализации / М. Тлостанова // Вестник РУДН. Серия «Философия». – 2006. – № 2 (12). – С. 5–16.
10. Куропятник, А. И. Интеркультурализм: постмультикультурный дискурс социальной интеграции / А. И. Куропятник, М. А. Куропятник // Вестник РУДН. Серия: Социология. – 2018. – Т. 18. – № 2. – С. 250–261.
11. Boulay, B. L'interculturel en France Orientation des débats et des travaux (2000-2007) / B. Boulay // Hommes et Migrations, hors-série novembre 2008. L'interculturalité en débat. – 2008. – P. 61-95. doi : <https://doi.org/10.3406/homig.2008.4684>
12. Цапенко, И. П. Поиски новых подходов к социокультурной интеграции мигрантов / И. П. Цапенко // Демографическое обозрение. – 2019. – № 5(4). – С. 125–149.
13. Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма. Отв. ред.: И. П. Цапенко, И. В. Гришин. – М. : ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.
14. Куделич, Г. П. Редукция маркеров культурной идентичности как инструмент радикализации / Г. П. Куделич // Культура Беларуси: реалии современности : XI Международный науч.-практ. конф. (Минск, 13 октября 2022 г.) : сб. науч. ст. – Минск : БГУКИ, 2022. – С. 123–126.
15. Paris ville interculturelle: liens, pratiques et politiques publiques. Rapport de la mairie de Paris. [ressource numérique] – Mode d'accès: <https://cdn.paris.fr/paris/2022/06/15/e93e0cb923a2d7c28c14a82b237566fa.pdf> – Date d'accès: 29.02.2024
16. Wilson, O. L'Index des cités interculturelles attribue à Paris une mauvaise place [ressource numérique] – Mode d'accès: <https://pariscosmop.fr/paris-index-cites-interculturelles/> – Date d'accès: 29.02.2024.
17. Kaci, R. Comment peut-on être français? / R. Kaci. – Larousse, Collection – 2009. – 128 p.
18. Roy, O. L'Aplatissement du monde. La crise de la culture et l'empire des norms / O. Roy. – Paris : Seuil, 2022. – 240 p.
19. Куделич, Г. П. Новые формы диалога с исламской культурой во Франции / Г. П. Куделич // Человек в социокультурном измерении. – Минск : БГУ, 2024. – С. 50–59.

REFERENCES

1. Flier, A. Ya. Tezaurus osnovnyh ponyatij kul'turologii / A. Ya. Flier, M. A. Poletaeva. – M., 2008. – 344 s.
2. Kudelich, G. P. Islam i problematika kul'turnoj identichnosti v sovremennom obshchestve (na primere Francii) / G. P. Kudelich // Chelovek v sociokul'turnom izmerenii. – Minsk : BGU, 2023. – № 1. – S. 50–59.
3. Pelletier, B. La crise du multiculturalisme en Europe – éléments de cadrage / B. Pelletier [ressource numérique] – Mode d'accès: <https://gestion-des-risques-interculturels.com/risques/la-crise-du-multiculturalisme-en-europe-elements-de-cadrage/>. – Date d'accès: 17.03.2024.
4. Kymlicka, W. État actuel du multiculturalisme au Canada. Et thèmes de recherche sur le multiculturalisme canadien 2008-2010 / W. Kymlicka [ressource numérique] – Mode d'accès: https://publications.gc.ca/collections/collection_2011/cic/Ci96-112-2010-fra.pdf. – Date d'accès: 17.03.2024.
5. Barash, R. E. Diskussii o mul'tikul'turalizme. Akademicheskij kontekst. Chast' 1 / E. R. Barash // Vlast'. – 2022. – T. 30. – № 6. – S. 88–97. DOI 10.31171/vlast.v30i6.9358.
6. Barash, R. E. Debaty o mul'tikul'turalizme v global'nyuyu epohu. Akademicheskij kontekst. Chast' 2 / E. R. Barash // Vlast'. – 2023. – T. 31. – № 5. S. 37–145.
7. Veretevskaya, A. V. Mul'tikul'turalizm, kotorogo ne bylo: analiz evropejskih praktik politicheskoy integracii etnokul'turnyh men'shinstv / A. V. Veretevskaya. – M. : MGIMO-Universitet, 2018. – 182, [1] s. ISBN 978-5-9228-1874-2 Tlostanova
8. Hodinova, O. S. Interkul'turalizm kak novaya strategiya vkl'yucheniya migrantov v evropejskuyu naciyu (na primere Francii) / O. S. Hodinova // Vlast'. – 2019. – T. 27. – № 1. – S. 170–176. <https://doi.org/10.31171/vlast.v27i1.6247>
9. Tlostanova, M. Transkul'turaciya kak novaya epistema epohi globalizacii / M. Tlostanova // Vestnik RUDN. Seriya «Filosofiya». – 2006. – № 2 (12). – S. 5–16.
10. Kuropyatnik, A. I. Interkul'turalizm: postmul'tikulyarnyj diskurs social'noj integracii / A. I. Kuropyatnik, M. A. Kuropyatnik // Vestnik RUDN. Seriya: Sociologiya. – 2018. – T. 18. – № 2. – S. 250–261.
11. Boulay, B. L'interculturel en France Orientation des débats et des travaux (2000-2007) / B. Boulay // Hommes et Migrations, hors-série novembre 2008. L'interculturalité en débat. – 2008. – R. 61-95. doi : <https://doi.org/10.3406/homig.-2008.4684>
12. Capenko, I. P. Poiski novyh podhodov k sociokul'turnoj integracii migrantov / I. P. Capenko // Demograficheskoe obozrenie. – 2019. – № 5(4). – S. 125–149.
13. Integraciya inokul'turnyh migrantov: perspektivy interkul'turalizma. Otв. red.: I. P. Capenko, I. V. Grishin. – M. : IMEMO RAN, 2018. – 233 s.
14. Kudelich, G. P. Redukciya markerov kul'turnoj identichnosti kak instrument radikalizacii / G. P. Kudelich // Kul'tura Belarusi: realii sovremennosti : XI Mezhdunar. nauch.-prakt. konf. (Minsk, 13 oktyabrya 2022 g.) : sb. nauch. st. – Minsk : BGUKI, 2022. – S. 123–126.
15. Paris ville interculturelle: liens, pratiques et politiques publiques. Rapport de la mairie de Paris. [ressource numérique] – Mode d'accès: <https://cdn.paris.fr/paris/2022/06/15/e93e0cb923a2d7c28c14a82b237566fa.pdf> – Date d'accès: 29.02.2024
16. Wilson, O. L'Index des cités interculturelles attribue à Paris une mauvaise place [ressource numérique] – Mode d'accès: <https://pariscosmop.fr/paris-index-cites-interculturelles/> – Date d'accès: 29.02.2024.
17. Kaci, R. Comment peut-on être français? / R. Kaci. – Larousse, Collection – 2009. – 128 p.
18. Roy, O. L'Aplatissement du monde. La crise de la culture et l'empire des norms / O. Roy. – Paris : Seuil, 2022. – 240 p.
19. Kudelich, G. P. Novye formy dialoga s islamskoj kul'turoj vo Francii / G. P. Kudelich // Chelovek v sociokul'turnom izmerenii. – Minsk : BGU, 2024. – S. 50–59.